

ОТ КЕРЕНОК К СОВДЕНЗНАКАМ

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ В 1917—1924 гг.

Лариса Анатольевна СЛАБНИНА,
кандидат исторических наук

Развитие денежного обращения Дальневосточного края на протяжении переломных лет (1917—1924) представляет собой, быть может, один из самых интересных моментов не только хозяйственной, но и политической истории Дальнего Востока. Постепенное замещение червонцем царской золотой десятки, внедрение казначейского билета, вытеснение дореволюционного серебра, слияние денежной системы края с общесоюзной в период советизации Дальнего Востока — все эти явления заслуживают изучения и могут быть интересны как специалистам, так и широкому кругу читателей.

Денежное обращение на территории Дальнего Востока впервые получило самостоятельное развитие и приобрело своеобразные черты, отличные от остальных районов России примерно с 1918 г., так как перипетии политической борьбы, иностранная интервенция оторвали хозяйственную жизнь региона и местное денежное обращение на несколько лет от экономики страны. В 1924 г. с усвоением здесь червонцев — банкнот Госбанка — и внедрением общесоюзных денежных знаков в виде казначейских билетов, с одной стороны, и выпуском в обращение на территории страны звонкой монеты, с другой, создались условия прекращения экономической и денежной обособленности Дальнего Востока.

В указанных хронологических границах денежное обращение Дальнего Востока прошло три стадии: бумажно-денежное обращение (до издания закона правительства Дальневосточной республики «Об урегулировании денежного обращения в Дальневосточной Республике». 16 мая 1921 г.), чисто металлическое обращение (с 16 мая 1921 г.) и комбинированное бумажно-металлическое обращение (с 3 августа 1923 г., когда было издано постановление ЦИК и СНК СССР «О денежном обращении на Дальнем Востоке»).

Уже со второй половины 1917 г. ощущавшийся на Дальнем Востоке, как и в остальной России, недостаток денежных знаков, в частности, острый недостаток разменных денег вызвал к жизни ряд местных эмиссий. Это был период, который можно назвать местным денежным кустарничеством. Местные эмиссии, обусловленные отдаленностью Дальнего Востока от центра, а затем гражданской войной и интервенцией, разъединением областей, производились обычно без надлежащей подготовки, стихийно. Местное денежное творчество еще более усилило ту денежную путаницу и пестроту, которые явились следствием одновременной циркуляции «романовских», «керенских» денег, облигаций «займа свободы», а позднее советских дензнаков и «сибирок» (обязательств

государственного казначейства и казначейских знаков колчаковского правительства). Во многом это объясняется тем, что центр денег не присылал.

Проявление местного денежного творчества встречалось в этот период не только в областных центрах, но и в глухих уездных городах, причем разного рода денежные суррогаты купюр под разнообразным наименованием выпускались и отделениями Государственного банка и казначействами, а также земскими и городскими самоуправлениями, исполкомами и даже отдельными торговыми фирмами.

Не останавливаясь подробно на этом раннем периоде в развитии денежного обращения на Дальнем Востоке, укажем лишь наиболее характерные примеры местного денежного творчества. Так, в Прибайкалье и Забайкалье циркулировали «сибирские кредитные билеты» («молотки» или «кузнецы»), выпущенные Читинским отделением Государственного банка в 1918 г., гербовые и контрольные марки, наклеенные на бумагу с печатной подписью «Читинское Отделение Гос. Банка», «боны» этого же отделения, выпущенные в 1920 г. Семеновым («голуби» и «воробы»), кредитные билеты, изготовленные в Америке по заказу Керенского и выпущенные в 1920 г. бывшим правительством ДВР с грифом «Временная Земская власть Прибайкалья» и т.д.

В Амурской области изготавливались «Городские разменные билеты», выпущенные в Благовещенске в конце 1917 г. «Амурские областные разменные билеты» 1918 г., «мухинки», «денежные знаки» Благовещенского Отделения Гос. Банка, выпущенные при Колчаке в 1919 г. и после его падения — Амурским Народно-революционным Комитетом в 1920 г. («куксинки»), чеки Зейского казначейства, «четвертованные керенки», выпущенные в 1918 г. в Кяхте отделением Народного Банка.

В Приамурской области: чеки Хабаровского отделения Государственного банка, выпущенные в 1920 г. по распоряжению ДВ Совнаркома (под председательством Краснощекова), «временные краевые ДВ денежные знаки», выпущенные в 1918 г. ДВ Совнаркомом («косари»); временные квитанции Уполномоченного по делам снабжения Приамурской области.

В Сахалинской области: «кредитные билеты Сахалинской области», выпущенные в 1918 г., чеки Николаевского-на-Амуре отделения Госбанка, разменные боны, выпущенные Ревштабом в 1920 г. («тряпицынки»), временные квитанции Торгового дома Симада в Николаевске-на-Амуре; На Камчатке имели хождение боны Петропавловского Казначейства 1920 г.; В Приморье: Сибирские обязательства, выпущенные после падения Колчака Владивостокским отделением Государственного банка и чеки этого же отделения банка; кредитные билеты, изготовленные в Америке по заказу Керенского, выпущенные Приморским правительством в 1920 г. под наименованием «кредитных билетов образца 1918 г.» За пределами русского Дальнего Востока — в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги в 1918—1920 гг. были выпущены «боны Русско-Американского банка» («хорватские»).

Судьба всех этих многочисленных и разнообразных бумажных знаков была эфемерна: все они, сменяя друг друга и наводняя местный торговый оборот, быстро теряли свою первоначальную, обычно очень слабую покупательную способность, выбрасывались из обращения и в огромном количестве оставались на руках у населения, которое взамен реальных ценностей и труда, отданных за эти бумажки, приобретали столько же богатое, сколько и горькое познание печальных последствий расстроенного бумажно-денежного хозяйства. В зависимости от местных условий аннулированные жизнью бумажки

уступали место или твердой иностранной валюте (мексиканские доллары, японские иены, американские доллары) в приграничной полосе, или натуральному товарообмену — в отдаленных от границ внутренних районах, или, наконец, даже российской звонкой монете, извлеченной населением из «кубышек», либо выпущенной в обращение тем или иным местным правительством из попавших в данную местность во время политических неурядиц монетных запасов прежнего времени.

Наиболее интересными и поучительными представляются попытки урегулирования в этот период денежного обращения, предпринятые почти одновременно и независимо друг от друга. С одной стороны, бывшим Приморским правительством, с другой — бывшим Правительством ДВР. Так, к началу 1920 г. бывшие в обращении в Приморье романовские, керенские и колчаковские денежные знаки потеряли после падения колчаковского правительства и ту незначительную покупательную силу, которой они до этого времени обладали. После неудачной попытки Владивостокского отделения Государственного Банка внедрить в обращение выпущенные им чеки и Сибирские обязательства последовал стихийный переход местного торгового оборота на иены и отчасти на американские доллары.

Захват рынка иностранной валютой побудил Приморское правительство предпринять эмиссию кредитных билетов, которые были изготовлены в Америке по заказу Керенского и получили название «кредитные билеты образца 1918 года». Выпуск этих билетов был произведен по курсу — 10 руб. кредитных = 1 руб. золотом. Предпринятая Приморским правительством эмиссия, согласно закону от 5 июня 1920 г., в отличие от всех других областных эмиссий была обеспечена значительными реальными ценностями: золотом и серебром в слитках и монетах и платиной — на сумму 72 млн. золотых рублей.

Начало размена кредитных билетов в законе не было указано, что дало населению основание квалифицировать новые знаки как неразменные бумажные деньги. К концу первого месяца своего существования приморские кредитные билеты потеряли уже половину своего выпускного курса. Дальнейшие выпуски ускорили темп падения курса билетов, несмотря на ряд принятых правительством героических мер по его поддержанию (например, открытие фондовой биржи, крупные валютные интервенции). Курс билетов неуклонно падал и в течение 2—3 месяцев дошел до 3000 рублей кредитных билетов за 1 иену. На этом же курсе кредитные билеты Приморского правительства потерпели полное крушение, и вслед за этим совершился легальный переход к обращению иностранной валюты и частично русской звонкой монеты. Вскоре после выпуска в обращение звонкой монеты Приморское правительство издало 6 ноября 1920 г. закон о разрешении сделок в золотом рубле и об исчислении в нем всех доходных и расходных смет, налогов и сборов. Исключение составляли таможенные пошлины, взимаемые только в золотой российской монете или полноценной иностранной валюте.

Таким образом, попытка урегулирования денежного обращения путем выпуска обеспеченных реальными ценностями, но не разменных на металл кредитных билетов в специфических условиях дальневосточной экономики явилась поучительным уроком для последующих руководителей финансовой политики.

К моменту ликвидации в Забайкалье семеновской власти и объединения областей в самостоятельное государственное образование — Дальневосточную Республику — денежное обращение русского Дальнего Востока находи-

лось в совершенно расстроеном состоянии. Семеновские «голубки» и «воробы» были аннулированы самой жизнью еще до окончательной ликвидации семеновщины. Выпущенные разными областными революционными объединениями бумажки влачили жалкое существование, звонкая монета, незадолго перед ликвидацией Семенова выпущенная им в меновой оборот, а также монета, извлеченная населением из его скрытых запасов, вновь были готовы исчезнуть из обращения.

Помимо советских денежных знаков, которые получили легальное хождение в пределах новой республики, Верхнеудинское правительство выпустило в обращение кредитные билеты, изготовленные в Америке по заказу Керенского на сумму около 23 млн. руб. Однако и буферные денежные знаки, и керенские кредитки населением совершенно не принимались. Положение усугубилось тем, что правительство ДВР продолжало пользоваться печатным станком и после перенесения своей резиденции в Читу, где оно выпустило «буферок» на сумму свыше 2 млрд. руб.

Дальневосточная республика в условиях сильного истощения края могла организовать свои финансы только на основе бумажно-денежного хозяйства. В поисках выхода из крайне тяжелого финансового положения правительство ДВР издало законы 2 и 15 ноября 1920 г. об урегулировании денежного обращения. Эти законы явились первыми в области денежного обращения законодательными актами, установив хождение на территории Республики кредитных билетов и денежных знаков, имеющих силу в РСФСР, а также «буферок» и кредитных билетов Владивостокского и Благовещенского правительств. В этот период издается постановление о прекращении выдачи звонкой монеты из государственных касс, о хождении бумажных знаков наравне со звонкой монетой по номиналу и изъятии из обращения золотой, серебряной и медной монет.

Эти законы и постановления следует рассматривать как проявление твердого намерения правительства окончательно прекратить обращение звонкой монеты и создать если не экономический, то во всяком случае, юридический и административный базис для утверждения и развития бумажно-денежной системы. Но так как в частном обороте звонкая монета все же продолжала обращаться, правда, «из-под полы», то последовало издание еще одного закона от 24 января 1921 г. «Об изъятии из обращения звонкой монеты», что явилось результатом последнего усилия правительства покончить с металлическим обращением. Согласно принятому закону, вся звонкая монета была объявлена исключительно собственностью Республики, подлежала изъятию и сдаче в кассы Республики в течение двух недель, причем ее запасы на сумму свыше 25 руб., обнаруженные у кого-либо после указанного срока, подлежали немедленной конфискации, а владельцы этих «запасов» — привлечению к ответственности как за спекуляцию.

Хозяйственный оборот реагировал на эти решительные мероприятия правительства глухим, но упорным сопротивлением. «Буферки» по-прежнему не принимались не только ближайшим иностранным рынком — Северной Маньчжурией, но и внутренний рынок ничего не соглашался отдавать в обмен на обесцененные бумажки. Правительство оказалось в чрезвычайно затруднительном финансовом положении: не имея возможности обеспечивать реальными ценностями выпускаемые им бумажные деньги, оно в то же время вынуждено было принимать их от населения. Правительству пришлось перейти к

оплате труда натурой, так как рабочие и служащие не могли ничего купить на получаемые ими из казны денежные знаки.

Между тем восстанавливать расходуемые запасы твердой валюты путем вывоза за границу реальных ценностей правительство не могло, так как не располагало никакими экспортными фондами. В то же время оно не имело возможности вновь собирать для экспорта ни золото, ни пушнину, ни лес, ни рыбу. Население не продавало продукты своего труда за ненужные им бумажки и предпочитало вывозить контрабандным способом за границу добытое золото, пушнину и даже хлеб, продавая все это за твердую иностранную валюту. Таким образом, опыт раннего периода денежного обращения на Дальнем Востоке показал крайнюю недолговечность в местных экономических условиях предпринимавшихся здесь бумажно-денежных эмиссий. Усилия революционных и других политических образований ввести в хозяйственный оборот неразменные денежные знаки оказались безуспешными и привели к восстановлению металлического обращения.

Основной причиной экономической и финансовой слабости Дальнего Востока была оторванность его от остальной России и экономическая зависимость от ближайших иностранных рынков — китайского, японского, отчасти американского; снабжение населения русского Дальнего Востока необходимыми товарами и частично продовольствием в этот период (1918—1921 г.) было построено на ввозе из-за границы. Для оплаты этого ввоза население должно было располагать твердой валютой, имеющей реальную покупательную силу на иностранных рынках, поэтому бумажные денежные знаки, на которые нельзя было ничего приобрести в Харбине и Маньчжурии, население края не признавало деньгами и вело с ними упорную борьбу. Желая избежать бумажных знаков, оно стремилось получить твердую иностранную валюту, для чего сбывало за границу добытые трудом реальные ценности. Опасение получить за продукты своего труда ненужные ему бумажки побуждало людей прибегать к натуральному товарообмену.

Естественное стремление иметь твердую валюту, пригодную для сбережения, усиливалось на Дальнем Востоке еще непосредственной близостью к странам с твердой валютой. Крушение на русском Дальнем Востоке бумажно-денежного обращения обуславливалось также экономической агрессивностью соседних государств, стремившихся внедрить на русской территории свою валюту. Успешную борьбу с интервенцией твердой иностранной валюты могла вести только такая же твердая русская валюта.

Совокупность изложенных выше условий сделала неизбежными крушение бумажных денег и восстановление металлического обращения, которое затем было легализовано правительством, подчинившимся в данном случае экономической необходимости. 16 мая 1921 г. (с. 58) правительством был издан закон, устанавливавший хождение российской монеты — золотой, серебряной и медной, а также бумажных знаков — «буферок», кредитных билетов и совзнаков, действовавших в РСФСР. Согласно закону, все государственные пошлины, сборы, налоги, а также платежи в пользу местных самоуправлений исчислялись в золотом рубле.

Признав металлическое обращение и покончив с бумажно-денежными иллюзиями, закон от 16 мая 1921 г. создал основу для успешного экономического развития региона и в значительной степени обусловил быстрое восстановление экономики. Закон явился тем законодательным актом, который при-

вел к единообразию денежного обращения на территории всего объединенного русского Дальнего Востока.

После издания закона 1921 г. местные особенности сохранились лишь в денежном обращении Приморья. Общая для всего региона неблагоприятная экономическая обстановка, оторванность от России получили резкое, как бы концентрированное выражение в Приморье и в районе Николаевска-на-Амуре. Завоевание Приморья иностранной валютой, подготовленное расстройством денежного обращения в России и стремительным обесценением русских бумажных денег, явилось следствием экономической интервенции. К 1919—1920 гг. на территории Приморья сосредоточилось большое количество разного рода иностранной валюты: японских иен, китайских долларов, американских долларов, английских фунтов, французских франков. Полученные населением от проходивших и квартировавших в крае иностранных войск за продукты и услуги, поступавшие в казну в уплату за сданные иностранцам мясные и рыбные концессии, а также вырученные различными приморскими правительствами за железнодорожные транзитные перевозки Уссурийской дороги и за распродаваемое государственное имущество — все эти иностранные денежные знаки постепенно входили в хозяйственный оборот Приморья и медленно, но верно вытесняли из обращения падающую русскую валюту.

В результате выхода из строя русских денег торговый оборот Приморья к концу 1920 г. оказался захваченным иностранной валютой, главным образом — иеной в виде банкнот Чосен-Банка. К середине 1921 г. иена оказалась на положении «обрусевшей» валюты, исполняя все присущие национальной валюте функции — мерила ценности, законного платежного средства, основного орудия обращения и средства сбережения ценностей. Борьба с обращением в Приморье иены была возобновлена лишь после прекращения японской интервенции и занятия Владивостока войсками ДВР в октябре 1922 г., к чему мы вернемся при рассмотрении денежной политики советской власти на Дальнем Востоке.

Рассмотрим вопрос о монетном базисе металлического обращения и денежной политике финансового ведомства региона. Как известно, нормальное функционирование всякой металлической денежной системы обусловлено запасами звонкой монеты, возможностью обращать в соответствующую монету имеющийся в стране металл или активным торговым балансом. Как было упомянуто выше, ни одной из двух последних возможностей образования монетного фонда Дальний Восток не располагал и поэтому оставалось рассчитывать только на третий источник: наличные запасы у населения и государства.

К моменту узаконивания металлического обращения денежный оборот западной части Дальневосточной области испытывал крайний недостаток звонкой монеты — как золотой, так и серебряной. Лишь постепенно, с установлением взимания железнодорожной платы и других государственных доходов, а также с началом выплачивания жалованья трудящимся твердой валютой у населения появилась некоторая уверенность в прочности нового порядка, исчезли опасения конфискации звонкой монеты.

В хозяйственный оборот начала поступать золотая и серебряная монеты, извлеченные из «земельных банков» и кубышек. Кроме того, местный монетный фонд стал получать подкрепления из РСФСР в виде займов, а затем дотаций, которые к 1922 г. достигли суммы 14 млн. золотой и серебряной монетой. К концу первого года существования легального металлического обра-

нения в регионе образовался довольно значительный фонд монеты, частично покрывавший потребности местного товарооборота.

В целом, характеризуя период, начавшийся с закона от 16 мая 1921 г., который формально легализовал хождение звонкой монеты и закончился присоединением ДВР к России, его можно назвать эпохой расцвета металлического денежного обращения. Понемногу денежный оборот заполнялся золотой и серебряной монетой, поступающей не только из внутренних запасов, но и извне — из Европейской России, Северной Маньчжурии, Китая. Наблюдавшаяся в этот период утечка серебра на внешний рынок, так же, как и сменяющий ее усиленный приток серебряной монеты с Запада, благодаря регулирующей деятельности финансового ведомства и Дальбанка (возникшего в марте 1922 г.), не вызывали пока расстройств денежного обращения. Между официальным и вольным курсом золота и серебра еще не начались расхождения — золотая монета беспрепятственно разменивалась на серебряную по официальному курсу. Однако одной из наиболее характерных черт денежного обращения являлась в течение последующих двух лет исключительно металлическая циркуляция без фактического участия бумажных знаков. Между тем в довоенное время, при нерасстроенных денежных системах бумажно-денежное, а точнее говоря — банкнотное обращение в России составляло около 65% общей денежной массы. С этой точки зрения чисто металлическое обращение ДВР не могло представляться нормальным и нуждалось в коррективе в виде банкнотного обращения.

Все значение банкнотной эмиссии для хозяйственной жизни региона признавало правительство ДВР, которое представило Дальбанку в видах регулирования денежного обращения право выпуска банковских билетов. Вопрос об осуществлении этой эмиссии был поставлен на практическую почву в первые же месяцы деятельности Дальбанка, причем к выпуску банкнот предложено было приступить примерно через пять-шесть месяцев, когда положение банка упрочится и доверие населения создаст ему необходимую предпосылку для успешного обращения его банкнот. В июне 1922 г. было закончено изготовление рисунков банкнот мелких и крупных купюр и началось пробное печатание банковских билетов мелких купюр. К осени 1922 г. эмиссия банковских билетов могла бы начаться, если бы на пути ее осуществления не возникли неожиданные препятствия. Первоначально проект Дальбанка встретил в Москве вполне благоприятное отношение, однако в дальнейшем в связи с присоединением Дальнего Востока к остальной федерации и постановкой на очередь вопроса об унификации денежного обращения было признано невозможным разрешить областному крайнему банку самостоятельную эмиссию.

Последовавшее 14 ноября 1922 г. присоединение Дальнего Востока к России не могло не отразиться на местном денежном обращении и, в частности, на проблеме унификации денежного обращения.

Как известно, присоединение Дальнего Востока к РСФСР не повлекло за собой коренной ломки структуры Дальневосточного народного хозяйства, так как и центральная власть РСФСР, и местная, считаясь с особенностями дальневосточной экономики, нашли необходимым при воссоединении соблюдать постепенность. Это решение новой власти нашло выражение как в Декларации Революционного Комитета, обращенной к местному населению, так и в постановлении ДРК №1 от 15 ноября 1922 г. (5. с.42). Оставляя в силе все законы ДВР в финансовой и экономической области, Дальревком, в частности, провозгласил «сохранение свободы золотого обращения» и «постановил

оставить в силе законы ДВР о денежном обращении». Этим решением Дальревкома вопрос об унификации денежного обращения не был снят с повестки дня. Напротив, в местной печати, а также в официальных кругах возникла оживленная дискуссия о дальнейшей судьбе краевого денежного обращения.

Высказанные во время этой дискуссии доводы сторонников унификации и ее противников не лишены интереса с точки зрения всестороннего освещения вопроса об экономических предпосылках унификации и об экономическом значении для региона сохранения металлического обращения. Поэтому следует остановиться на аргументации обеих споривших сторон. Аргументация сторонников немедленной унификации сводилась к следующим основным положениям. Одно лишь политическое присоединение Дальнего Востока к советской России без закрепления экономической связи с нею не освобождает регион от экономического влияния иностранных рынков. Сохранение «металлического» обращения, не являясь необходимым самому Дальнему Востоку, в то же время наносит вред всей остальной России.

Противники немедленной унификации утверждали, что металлическое обращение положило начало восстановлению хозяйственной жизни, дав государственному и местному бюджету на территории ДВ финансовое равновесие. Между тем изъятие звонкой монеты и механическое внедрение совзнаков могло внести расстройство в хозяйственную жизнь или же остаться декларацией. Основная экономическая предпосылка внедрения в оборот советской бумажной валюты заключалась в создании товарной базы советского производства. Такой базы во второй половине 1923 г. не было. Далее, введение совзнаков лишало из-за отсутствия такой базы всякой покупательной способности население. Необходимо отметить, что аргументы противников немедленной унификации склонили руководителей финансовой политики в центре к осторожному и планомерному проведению реформы, и через год декретом ЦИК и СНК от 3 августа 1923 г. (1. с.60) на Дальнем Востоке было установлено хождение червонцев и совзнаков.

Советизация денежного обращения ДВК началась с мероприятий, направленных на вытеснение из оборота иностранной валюты (иен). Параллельно разворачивалась борьба с иностранной валютой в Приморье. Из применявшихся методов борьбы с иеной наименее действенными оказались меры запретительного характера. Причина неудач административных мероприятий лежала в недостатке русских денежных знаков, при котором немедленное изъятие из обращения иены создало бы денежный голод и парализовало хозяйственную жизнь Приморья.

Борьба с твердой иностранной валютой не может быть успешной при отсутствии или недостаточном количестве собственной национальной твердой валюты, кроме того она должна быть строго продумана и подготовлена рядом предварительных экономических мероприятий. К примеру, необходимо было снабдить русской звонкой монетой местности, находившиеся в сфере влияния иены — Приморье и Николаевск-на-Амуре (что и предпринималось как казной, так и банками — Дальбанком и Госбанком). С иеной боролись также, понижая ее официальный курс. Естественная «смерть» иены в Приморье объяснялась изменением политических и экономических условий после воссоединения Приморья с Россией. При этом чрезвычайно ослабли торговые связи с Японией, на Дальнем Востоке появилась русская валюта в виде червонцев — банкнот Госбанка, и, наконец, стал развиваться товарооборот с Сибирью и европейской частью России. Одновременно (и до некоторой степени в связи с

борьбой против иены) протекал процесс выпадения из оборота русской золотой монеты. Допущенная к приему в государственные кассы по официальному курсу иена долгое время котировалась по курсу 10,40 — 10,45 иены за 10 рублей золотом (с. 63). После занятия Владивостока Красной Армией Приморский ревком резко понизил курс иены до 11,30. Но так как на зарубежных валютных рынках позиция иены не изменилась то, естественно, заинтересованные в платеже лица предпочли расплачиваться русской золотой монетой, закупая ее на соседнем харбинском рынке. Понижение курса иены в Приморье совпало с разгаром экспертной кампании в Маньчжурии, когда приток денег в кассы Уссурийской железной дороги был особенно велик. Кроме того, в этот же сезон развернулась пушная кампания, и заготовители дальневосточной пушны усиленно стали скупать в Маньчжурии русскую золотую монету, необходимую для расплаты с дальневосточными охотниками.

Все эти условия вызвали сильный рост курса золотой десятки на харбинском рынке. Курсовая цена ее быстро превысила ценность содержащегося в монете золота, превратив в своеобразный денежный товар.

Движение харбинского курса золотой монеты не могло не оказать влияния на ее котировку в пределах Дальневосточного края. По отношению к серебру золото стало дорожать. В результате золотая монета стала уходить из оборота, задерживаться у населения (в целях накопления) или использоваться как орудие подпольной спекуляции с учетом разности курсов на золото между московским и дальневосточными рынками.

С начала 1923 г. покупательная способность золотой десятки на московском и читинском рынках стала резко расходиться. Этот факт сам по себе был уже вполне достаточен для того, чтобы начался отток золота из края в Москву. Процесс усиливался еще тем, что возрастала покупательная способность именно «золотой десятки», т.е. происходило не повышение покупательной силы денег, а возрастание ценности золотой монеты как товара по отношению ко всем остальным противостоящим ей товарным ценностям, в том числе и прочим металлическим монетам дореволюционных выпусков. В то время как в ДВК курсовое соотношение золотой и серебряной монеты в рассматриваемый период держалось на уровне 11 руб. банковских или 26 руб. биллонных за 10 руб. золотом, — в Москве золотая десятка стоила 25 руб. банковских или 77 руб. биллонных (11 с.213). Появилась возможность спекулировать на огромной курсовой разнице: купив серебро в Москве и реализовав его затем в Чите на золото, привезти это последнее в Москву в более чем удвоенном количестве. Разность котировок московского и дальневосточного валютных рынков создавала угрозу быстрого ухода золотой монеты из края и наводнения денежного обращения его московским серебром.

Утечке золотой монеты на запад можно было бы препятствовать в период самостоятельного существования Дальневосточной республики. С советизацией же последний, когда снята была Татаурская таможенная застава, все преграды на пути передвижения валютных ценностей оказались уничтоженными. Совокупность этих фактов привела к тому, что золото к концу 1923 г. совершенно исчезло из обращения, и в крае установилась чисто серебряная циркуляция, хотя и базирующаяся на золотом исчислении. «Российский золотой рубль», продолжая служить базой для расчетов, стал отвлеченным понятием. Золотой рубль как золотая монета и золотой рубль как счетная единица вели самостоятельное существование. Таким образом, денежная система оказалась перевернута вверх ногами, поскольку в создавшихся условиях золотая

монета превратилась в товар, а серебро стало единственным орудием обращения и платежным средством. Установившийся порядок чисто серебряного обращения, хотя и основанного на золотом исчислении, не мог удовлетворительно функционировать долгое время.

В создавшихся условиях реформа денежного обращения края была необходима. И дело заключалось не только в предохранении против серебряной инфляции. Эта задача разрешилась путем реализации излишков серебра за границы. Основной проблемой регулирования денежного обращения края было создание, во-первых, приемлемой системы расчетов с СССР и, во-вторых, введение нового, реального орудия обращения, которое послужило бы мерилем ценности всех прочих денежных знаков. Выполнить эту роль были призваны банкноты Госбанка, к тому времени уже достаточно закрепившиеся в хозяйственном обороте СССР.

Первые червонцы на Дальнем Востоке появились в 1923 г. — банки начали размен банкнот на серебро. Это обстоятельство имело существенное значение — червонец появился не как неразменная бумага, наоборот, он свободно разменивался на привычную населению звонкую монету. Основным условием проникновения червонцев было предварительное создание необходимого товарного фонда, противостоящего выбрасываемым в оборот червонцам. И как раз в рассматриваемый период сложилась благоприятная картина. В январе — октябре 1923 г. оборот по торговле с заграницей уменьшился. Направление товароснабжения ДВК резко изменилось в сторону советских рынков, и это послужило главной базой для внедрения червонцев в хозяйственный оборот края. Червонцы котировались вольным рынком свободно, без воздействия со стороны органов власти. Первоначально курс на червонец установился в размере 7,50 золотом за 10.00 руб. червонных (апрель 1923 г.) (1 с.63), но уже в сентябре курс червонца дошел до номинала.

Таким образом, к октябрю 1923 г. червонец занял место, ранее принадлежавшее золотой монете, и тем самым приобрел значение мерила ценности всех остальных денежных знаков. Это обстоятельство явилось самым существенным моментом, предшествовавшим формальной унификации денежного обращения края и Советского Союза. Создавшаяся объективная обстановка позволила червонцу легко и безболезненно занять место основной валюты дальневосточной денежной системы. В этом процессе и заключался весь смысл денежной реформы в Дальневосточном крае.

Постановление ЦИК и СНК СССР «О денежном обращении на Дальнем Востоке» от 23 ноября 1923 г. в своей главной части говорящее об открытии и выплате всех кредитов и дотаций для ДВК преимущественно в червонцах, содержит еще одно чрезвычайно интересное положение. В пункте первом, обязывающем ДВ сеть Госбанка принимать на текущие счета совзнаки, прием этих последних установлен «в золотом (червонном) исчислении». Тем самым декрет как бы утверждает равноценность и возможность взаимной замены понятий «золотого» и «червонного» исчисления.

28 апреля 1924 г. постановлением ДРК (1 с.62) был установлен выкупной курс на биллонное и банковское серебро и одновременно всеми кредитными учреждениями объявлено об обмене серебра на советскую валюту. Незбежное в результате понижение курса серебра сокращение объема денежной массы компенсировалось крупным выпуском червонцев филиалами Госбанка и на обороте, таким образом, не отразилось. К октябрю 1924 г. в составе денежной массы ДВК советская валюта занимала уже 46%, что давало полную

возможность приступить к формальной унификации денежного обращения края с денежной системой Союза. Первым официальным мероприятием в этом направлении явилось постановление ДРК от 27 октября 1924 г. о воспрещении хождения золотой монеты царской чеканки. Затем последовало второе постановление о запрещении с 1 января 1925 г. хождения серебра дореволюционного образца и об обязательной сдаче его населением в кассы финорганов и кредитных учреждений.

Этими актами исчерпывается формальная сторона денежной реформы в крае. Итогом операции по обмену царского серебра был сбор 10 млн. руб. по золотому курсу. Серебра же недосчитались примерно 3 млн., что объясняется главным образом уходом монеты за границу в порядке уплаты импортной контрабанды. На протяжении 1922—1925 гг. размеры денежного обращения края находились в определенном соотношении с объемом товарооборота, и дальнейшее постоянство этого соотношения служило лучшим подтверждением успешности денежной реформы. Завершение реформы явилось последней ступенью на пути хозяйственной советизации русского Дальнего Востока, знаменовавшее собой непосредственную зависимость края от сопредельных рынков, отличное от СССР развитие краевого денежного обращения, войдя в рамки общесоюзной денежной системы, свидетельствовало о слиянии хозяйственной жизни края с общесоюзной экономикой. В длинном ряду мероприятий, направленных на советизацию региона, восстановление хозяйственных связей с Советским Союзом в рамках единой общесоюзной экономики, денежной реформе принадлежало не последнее место.

1. Курсель К.П. и Лукасюк А.А. Денежное обращение на русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 год. Чита, 1924.
2. Три года советского строительства в Дальневосточном крае (отчет Дальревкома за 1922—1925 год). Хабаровск, 1926. С.210, 213.
3. Берлацкий Б.М. Очерки по денежному обращению и кредиту на Дальнем Востоке // Кредит и банки. 1923. №1.
4. Чалхушьян С. Золотое обращение на Дальнем Востоке // Экономическая жизнь. 1923. №82.
5. Отчет Дальневосточного акционерного банка за 2-й операционный год. Чита, 1924. С.42.
6. Архипов Н.Б. «Дальневосточный край». Москва — Ленинград, 1929. С.146—147.
7. Погребещкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914—1924) г. Харбин, 1924.
8. Наволочкин Н.Д. «Дело о полутора миллионах». Хабаровск, 1982.

SUMMARY. A theme, interesting for investigation of the economy of the 20s, is taken by Candidate of Historical Sciences Larisa Slabnina. She traces the process of money circulation in the Far East at the period of sharp political struggle, in the years of foreign intervention.

In the situation when Far Eastern Republic was exhausted it managed to organize its finances only on the base of paper-money economy. There was passed a law (1920) about regulating money circulation. Adjoining of the Far East to Russia could not but influenced the money circulation, especially on its unification.

The author of the article shows in detail all peripeteia of money circulation at this period. She underlies the fact that in the long run of measures which were directed on the sovietization of the region, and reconstruction of the economic ties with the USSR in the limits of all-Union economy in the Far Eastern region, the reform of money circulation took a considerable part.